

Социальная структура и городская среда: ловушки взаимозависимости

Городская среда и городская застройка не могут не отражать социальную структуру общества. В то же время сложившиеся территориально-пространственные и градостроительные структуры активно влияют на социальные процессы. Так что можно говорить об их взаимозависимости.

Нельзя не обратить внимание и на наличие отрицательной обратной связи: как городская среда, так и общественная структура несут в себе известный консерватизм, обладают определенной инерционностью, резистентностью, препятствующей радикальным изменениям, благодаря которой система стремится вернуться в исходное положение, сохранить статус-кво. Причем уровень этой резистентности в первом и во втором случае заведомо различается. В этом расхождении в оперативности реагирования на вызовы времени кроются вероятные проблемные ситуации.

Запад: социальная структура / городская среда

На Западе основу социальной структуры в послевоенное время составляет средний класс – сегодня это до 70% населения. Т.н. децильный коэффициент, т.е. соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных граждан к 10% наименее обеспеченных, по сути, являющийся индексом социальной поляризации, в разных странах колеблется от 3-4 (Швеция) до 8-10 (США).

Это объективируется в качестве городского средообразования, в частности, структуре городской застройки. Конечно, есть авеню Клебер, а есть Тольбиак (в его недавнем состоянии) или кольцо пригородов Парижа, есть Белгравия и Челси и есть Уайтчэпел. Западные города не избавились от внутригородской сегрегации – gated communities, с одной стороны, и анклавов компактного этнического проживания – с другой. Тем не менее, средневзвешенный уровень качества, разнообразие, человеческий масштаб городского пространства западных городов для русского глаза весьма непривычны. Взять тот же Уайтчэпел: социальное жилье, примыкающее к станции метро, где проживают, в основном, индийцы и выходцы из стран Ближнего Востока, по крайней мере, внешне сопоставимо с московской «золотой милей».

В 1970-1980-е гг. ранние провозвестники постиндустриализма – от Д.Белла и Ж.Фурастье до У.Росту и О.Торффлера – предполагали, что развитие постиндустриального (или информационного) общества будет иметь своим следствием дальнейшую его демократизацию, сглаживание социальных противоречий и антагонизмов, гармонизацию трудовых отношений и т.д. Действительность не оправдала ожиданий – все происходит «с точностью до наоборот». Сегодня в зарубежной макросоциологии на смену «государству всеобщего благосостояния» приходит концепция 20:80 («господствующее ядро» / «нищающая периферия»), фиксирующая кардинальные изменения, затронувшие социальную стратификацию в западном мире.

Скажется ли разворачивающаяся новая социальная поляризация, эрозия и обеднение среднего класса на структуре городской ткани? Остается надеяться, что материальный субстрат окажется менее подверженным историческим трансформациям, более ригидным, нежели общественная структура. Демократический потенциал, накопленный городской средой в странах Запада на протяжении столетий, как кажется, не так-то просто разрушить или переформатировать. Тем более если власть и общество прилагают соответствующие контрмеры, как, например, в Париже, где особо выделены зоны с дефицитом социального жилья (которые занимают не менее двух третей общей площади города) и прописаны меры, стимулирующие девелоперов к расширению его доли (кстати, соответствующие нижние пороговые значения объемов социального жилья во Франции введены и в регионах).

Россия: социальная структура / городская среда

Стратификация постсоветского общества носит принципиально иной характер – его основу, те же 60-70%, составляет т.н. базовый слой, т.е. люди, живущие от зарплаты до зарплаты (Т.Заславская). Средний класс же, по разным оценкам, в докризисную эпоху не превышал 15-20% (в Москве – до 25%). Что касается децильного коэффициента, то он превосходит показатели стран Африки и Азии, пребывая, по оценкам исследователей, в диапазоне от 25 до 40 (причем следует заметить, что эти данные не учитывают «теневые» доходы наиболее обеспеченных граждан, а «теневая» экономика по своим масштабам сопоставима с той, что на поверхности).

Конфликтотенная социальная стратификация «отпечатывается» в структуре городского пространства. Есть элитные кварталы Остоженки и Хамовников и есть все те же бесконечные «спальные районы» крупнопанельного индустриального домостроения «для остальных». Градации последнего десятилетия – «люкс», «премиум», «бизнес», «эконом» и т.п. – в действительности, носят по большей части декоративный характер. С легкой руки И.Гофмана в лексиконе социологов все чаще звучит понятие «стигматизации бедности» – так вот в данном случае можно говорить о стигматизации «остальных», обреченных пожизненно доволь-

ствоваться квартирой в крупнопанельном доме. Общественные пространства «общего пользования», которые, казалось бы, должны служить буфером между этими полярными типами жилой среды, предупреждать и амортизировать социальную конфликтность, нередко лишь закрепляют данную тенденцию. В действительности, постсоветский средовой антидемократизм давно превзошел советский. Заметим в скобках, что тем самым лишней раз находит подтверждение тезис об архитектуре как зеркале социального.

В результате экономического кризиса фактически вся социальная структура российского общества спускается как минимум на ранг: средний класс скатывается до уровня базового слоя, базовый слой – до малообеспеченных страт, малообеспеченные – в зону социальной эксклюзии и т.д. В то же время именно кризисный слом способен развернуть вектор территориально-пространственной и градостроительной политики, перезагрузить жилищную стратегию – с элитного и «для остальных» на широкий социальный адрес, с крупнопанельного домостроения – на альтернативные позднеиндустриальные или постиндустриальные формы, демократизировать и гуманизировать городскую среду, приблизить ее к человеческим величинам. По крайней мере, в развитых странах как раз в посткризисное время наблюдается оперативно разворачивающаяся программная социализация, демократизация и экологизация жилищной политики. Приведем в качестве примера ту же Францию, вероятно, осознавшую взрывоопасность исторически сложившейся сегрегации, очевидной как внутри самого Парижа, так и – особенно – в сравнении с Иль де Франс, и остро ощущающую свое отставание(!), в частности, что касается перехода к модели устойчивого развития – урбанистического и архитектурного, от других стран, прежде всего Германии, Швейцарии, Австрии, скандинавских стран.

Что в перспективе?

В настоящий момент в отечественной практике проектирования и строительства происходит решительная реконфигурация структуры взаимоотношений между основными субъектами градостроительного процесса – перераспределение в пользу власти. Если воспользоваться предложенной нами теоретической моделью (см.: АВ, 2009, №5), возникает диковинная геометрическая фигура с одной вершиной, решительно отстоящей от трех других, со смещенным центром тяжести, неустойчивая по определению, можно сказать – чреватая структурной перестройкой. Складывающаяся ситуация нуждается в скорейшей корректировке. На наш взгляд, в условиях очевидной компрометации девелопмента и практического отсутствия гражданского общества, вторым (наряду с властью) ведущим драйвером градостроительного процесса мог бы стать профессиональный цех.

Каковы основные цели будущего возможного социального контракта между властью и профессиональным сообществом? Прежде всего, это реорганизация проектно-строительного комплекса под новые приоритеты территориально-пространственного развития, направленная на балансировку и удержание связности, целостности системы расселения, выявление перспективных точек роста – региональных узлов пространственного развития, демократизацию, гармонизацию и экологизацию среды российских городов, ее инфраструктурное обеспечение, повышение средневзвешенного жилищного стандарта, диверсификация видов и типов жилья, уход от исторически сложившегося технологического детерминизма и др.

Вот только возникает вопрос: не попадаем ли мы в ту самую историческую ловушку, связанную с принципиальным различием резистентности социальных и средовых структур, нахождением их в разных темпомирах? А ведь существует еще одно не менее, если не более важное противопоставление, связанное, так скажем, с метафизикой русской души и вытекающей жизни, а именно – отмечаемая многими исследователями (назовем лишь нескольких – Ю.Лотмана, А.Панарина, С.Малкова) фатальная проблематичность замещения бинарных структур тернарными; преодоления инверсивной эволюционной логики; выращивания сопоставимой с Западом доли среднего класса в условиях дефицита прибавочного продукта; наличия специфических природно-климатических условий; разреженности географического пространства страны и имеющейся логистической сети; требуемого значительного груза контроля за территорией и высокого уровня накладных расходов и т.п.

Из этого, впрочем, не следует, что не стоит и пытаться вырваться из этого заколдованного круга...